

УДК 32.019.51

DOI: 10.34670/AR.2022.30.92.033

Мягкая сила: американский и китайский подходы**Медушевский Николай Андреевич**

Доктор политических наук,
доцент кафедры сравнительной политологии РУДН;
профессор кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Ермакова Анастасия Николаевна

Студент,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: Nastyaermwa@yandex.ru

Аннотация

С момента разработки концепции мягкой силы Д. Наем прошло уже около 50 лет, но в течение всего этого периода инструментарий мягкой силы продолжал меняться и вбирать в себя новые подходы и стратегии. Исключением не стали и подходы к мягкой силе, сформированные США и Китаем. В своей сути данные подходы отличаются и во многом вторят идеологическим установкам двух стран, сохраняя и популяризируя национальную специфику на международной арене. В то же время можно говорить и о прямом конфронтационном аспекте практик применения инструментов мягкой силы со стороны двух стран, так как они направляют свои действия друг против друга, заигрывая с широкой общественностью, создавая спрос на национальные разработки и достижения. Отметим, что направления реализации «мягкой силы» были определены на XVII съезде КПК: тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный культуре, а не внешней политике Китая. Поэтому можно утверждать, что «мягкая сила» Китая в большей мере действует в «культуроцентричном измерении». Что касается американской политики мягкой силы, в американской культуре все еще есть источники устойчивости, которые пессимисты в прошлом недооценивали. Даже когда ошибочная политика правительства снижает привлекательность Америки, ее способность к самоанализу и самоисправлению делает ее привлекательной для других на более глубоком уровне.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А., Ермакова А.Н. Мягкая сила: американский и китайский подходы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4А. С. 273-282. DOI: 10.34670/AR.2022.30.92.033

Ключевые слова

Мягкая сила, США, КНР, конфронтация, имидж, культурный потенциал, экономическое превосходство.

Введение

Феномен «силы» – одно из ключевых понятий среди теорий, разработанных в области международных отношений до сегодняшнего дня. Сила в международных отношениях – это эффект, который государство оказывает на другое государство, и заставляет его делать то, что при нормальных обстоятельствах оно не желало бы делать. На протяжении веков технологии силы совершенствовались. Мягкая сила проистекает из «очарования» культурой страны, политических ценностей и внешней политики, включая в себя внушительный инструментарий, «мягкая сила» в качестве основных действенных технологий, применяемых для достижения желаемых результатов, включает в себя следующие сферы воздействия: культура, образование, экономика, дипломатия, бизнес и инновации. Когда культура страны включает универсальные ценности, а культурная политика служит ценностям и интересам, которые разделяют другие, это увеличивает вероятность достижения желаемых результатов – влияния на другие страны. XXI век является новым этапом взаимодействия и расширения каналов, технологий и инструментов сотрудничества, по которым КНР и США, а также любые другие государства, могут оказывать влияние на международные процессы и вектор проводимой политики других стран. На сегодняшний день экономический успех страны, ее идеологический авторитет и культурное очарование часто представляют более важные факторы, чем достижения и усовершенствования в военной сфере, включая разработку новых военных технологий и обладание ядерным оружием.

Актуальность данной темы обусловлена многолетней конфронтацией между США и КНР, которая начала набирать силу с 2000-х годов, и связана непосредственно с усилением китайской экономики на мировом поприще, что позволяет Китаю выступать сильным соперником для Соединенных Штатов Америки и контролировать экономику США. В свою очередь Штаты пытаются ослабить давление и закрепить политико-экономическое первенство в мире. Конфронтации ведутся на уровнях мягкой силы, что предусматривает многоплановое и многоуровневое противостояние через технологии мягкой силы. Так концепция «мягкой силы» становится все более популярной как среди политиков, так и среди ученых, что требует более пристального изучения именно национальных подходов и парадигм. В данной статье мы сопоставляем Американский и китайский варианты.

«Мягкая сила» США

США берут за основу принципы неолиберального институционализма для комплексной зависимости, состоящей из экономического сотрудничества, интереса государств в недопущении ядерной войны и других глобальных проблем – благодаря международным политическим институтам государства могут достаточно эффективным и выгодным образом кооперировать в межгосударственных отношениях – и выступают за глобализацию в таких областях как политика, экономика, культура и распространение информации, что очевидно существенно сужает роль суверенного государства и меняет роли мировых политических элит в послушных последователей волеизъявлений стороны «прогрессивного мнения». Желание зафиксировать преимущество политики Белого дома в мировой политической структуре через массовое распространение американской культуры «подарило» неолиберальной идеологии определение «мягкая сила». Автором термина является американский политик Джозеф Най,

который впервые его охарактеризовал в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». Итак, данный феномен достаточно естественно вписывается в стратегию США в XXI веке, которая, по мнению автора, должна носить динамичный характер: «Если Соединенные Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов, и оно должно быть главным элементом новой стратегии» [Nye, 2004]. В своем анализе, Дж. Най выделяет три вида внешнеполитических ресурсов, которые служат основой могущества США:

- 1) Возможности в военной сфере – военная мощь, США по-прежнему остается лидером опережая остальные страны;
- 2) Экономическое превосходство, на данный момент Вашингтон постепенно вытесняется Европейским союзом и Китаем;
- 3) Имидж и культурный потенциал, которые включают такие составляющие как ТНК, НПО, массовую культуру; внешнеполитическую идеологию. Главным составляющим элементом проводимой США политики в культурной сфере является массовая культура, благополучие которой можно объяснить развитием и усовершенствованием технологий, благодаря чему американская поп-культура транслируется на весь мир, являясь при этом результативным политическим и идеологическим инструментом, транснациональных корпораций, представителей политических группировок и иных кругов.

Классическим примером американской мягкой силы является план Маршалла. После Второй мировой войны Соединенные Штаты вкачивали миллиарды долларов в разоренную войной Западную Европу, чтобы не допустить ее падения под влияние коммунистического Советского Союза. План Маршалла включал гуманитарную помощь, такую как продукты питания и медицинское обслуживание; консультации экспертов по восстановлению разрушенных инфраструктур, таких как транспортно-коммуникационные сети и коммунальные услуги; и прямые денежные субсидии.

Най также рассматривает американский культурный экспорт, такой как фильмы, безалкогольные напитки и сети быстрого питания, как элемент мягкой силы. Хотя они также включают в себя решения многих частных американских предприятий, международная торговая и деловая политика США позволяет осуществлять эти культурные обмены. Культурные обмены неоднократно впечатляют иностранные государства свободой и открытостью американского бизнеса и динамики общения. Интернет, отражающий американскую свободу выражения мнений, также является мягкой силой.

Наблюдать снижение использования Соединенными Штатами «мягкой силы» можно после случившегося 11 сентября. Войны в Афганистане и Ираке и использование доктрины Буша превентивной войны и одностороннего принятия решений затмили ценность мягкой силы в умах людей дома и за границей. В 2008 году, в конце своего второго президентского срока, Буш оставил страну в состоянии экономического кризиса – пузырь субстандартного кредитования только что лопнул – и международная арена теперь характеризовалась присутствием множества акторов, способных выполнять функцию убеждения, т.е. осуществлять мягкую силу. Хотя Соединенные Штаты оставались единственной сверхдержавой, многие страны продолжали осуждать американскую модель. Соединенные Штаты все еще внушали идею страны, которая благодаря своей военной и экономической мощи намеревалась построить империю.

Антиамериканизм, возникший со времен холодной войны, продолжал распространяться, укрепляться, даже когда американское обязательство против исламского фундаментализма было максимум. Соединенные Штаты казались более одинокими, чем когда-либо.

Приход Барака Обамы в Белый дом встретили даже Нобелевской премией за «благие намерения» в октябре 2009 г. Еще до своего заселения кандидат от Демократической партии четко обозначил свою роль во внешней политике. Было ясно, что новая администрация США во главе с Обамой не стала бы оставаться в тени во внешней политике и, прежде всего, отличалась бы от администрации президента Буша. Во многих отношениях президентство Обамы и его ближневосточная политика символизируют практические ограничения «мягкой силы». После войны администрации Буша с террором Обама начал свое пребывание в должности с обращения «Новые начинания», в котором он призвал к новому началу отношений Америки с мусульманским миром. За этим провозглашением последовали массовые инвестиции в мягкую силу по всему региону, включая вещание, культурные обмены и программы гражданской дипломатии. Тем не менее, несмотря на постоянное и широкое взаимодействие с арабами и мусульманами на Ближнем Востоке и в Южной Азии, антиамериканские настроения остаются высокими [Най, 2014].

После избрания Дональда Трампа автор книги «Шоковая экономика» Наоми Кляйн заговорила о политике шока. Как она подчеркивает, Келлиэнн Конвей, соратница Трампа, также определяет новую американскую эру как шок для системы. Мало того, что на международном уровне Трамп использует угрозу военной мощи Америки, на внутреннем уровне он просто угрожает действовать и править посредством непрерывных потрясений. Таким образом, можно определить его силу как силу резкости. Но его политики в значительной степени опасаются и в Америке, и в Европе. Най недавно подтвердил, что политика Дональда Трампа оказывала серьезное негативное влияние на сокращение мягкой силы Америки. На самом деле, как он объясняет, «острая сила – это всего лишь новый термин для обозначения того, что мы когда-то называли информационной войной, которая существовала десятилетиями.

Если внимательно посмотреть на действия, предпринятые Дональдом Трампом в первый год его правления, мы увидим, что он действует между национализмом и неолиберализмом: внешний национализм (пошлины на сталь и алюминий, пошлины на китайские товары), внутренний неолиберализм (снижение налогов, полная либерализация оружия, сокращение надлежащей экологической практики, сокращение конфиденциальности, нападение на Obama Care). Суд по делу об импичменте Трампа также оказал влияние. По словам Дэвида Хэя, председателя и генерального директора Brand Finance, другие меры и методы помогли Трампу занять первое место. «Мягкая сила не может быть быстро ни достигнута, ни утрачена. Соединенные Штаты продемонстрировали, что в конечном счете, несмотря на репутационные проблемы, связанные с импичментом и непредсказуемой внешней политикой, их положение в качестве законодателя в международной системе не имеет себе равных», – сказал Хей в пресс-релизе.

Восстанавливая глобальную репутацию США в посттрамповскую эпоху, Джо Байден признает фундаментальную истину о «мягкой силе» – ее возрождение часто начинается дома. В последние годы в США наблюдается более широкое социальное и экономическое брожение. Ключевые события включают убийство Джорджа Флойда и движение Black Lives Matter, рост популярности движений сторонников превосходства белой расы и диалоги о равенстве и сексуальном насилии после разоблачений MeToo. Вот почему, после злости недавнего времени,

Байден стремится исцелить испорченные отношения и приблизить страну к реализации одного из ее давних девизов – «*e pluribus unum*» (из многих – один).

Если команда Байдена правильно поймет эту повестку дня, включая создание более справедливой и инклюзивной экономики, она многое сделает для устранения подрыва доверия к США. Однако самого по себе этого может быть недостаточно, чтобы позволить нации полностью оправиться от упадка «мягкой силы» последней администрации.

В отличие от активов жесткой силы (таких как вооруженные силы), многие ресурсы мягкой силы отделены от правительства и привлекают других, несмотря на политику. Голливудские фильмы и популярная музыка, демонстрирующие независимых женщин или представителей меньшинств, могут привлечь других. То же самое можно сказать и о разнообразной и свободной американской прессе, благотворительной деятельности ее фондов и свободе исследований в ее университетах. Американские фирмы, университеты, фонды, церкви и протестные движения развивают собственную мягкую силу, которая может укреплять взгляды других на страну. Но в то время как мирные протесты могут генерировать мягкую силу, толпа в Капитолии и вокруг него 6 января 2021 года была далеко не мирной. События того дня стали тревожной иллюстрацией того, как политика Трампа усугубила политическую поляризацию.

Участие в глобальных соглашениях. В опросе Gallup 2021 года 52% американских респондентов были либо несколько недовольны, либо очень недовольны той ролью, которую США играют в мировых делах. Некоторые наблюдатели, особенно критически настроенные по отношению к администрации Трампа, утверждают, что концепция «Америка прежде всего» негативно изменила роль Америки в мире. Демонстрация большей поддержки глобальных соглашений путем не только присоединения к ним и продолжения их участия, но и поддержки их создания может улучшить способность США использовать влияние посредством лидерства в области мягкой силы.

Лидерство в климатических инициативах. Поскольку все больше и больше стран начинают ставить перед собой амбициозные цели в области климата, крайне важно, чтобы США взяли на себя более важную роль лидера. В отчете Brookings подчеркивается, что «четыре года отсутствия США в глобальном климатическом сообществе оставили большой пробел в международном лидерстве и доверии». Будучи второй после Китая страной по выбросам парниковых газов, США должны ускорить действия по борьбе с изменением климата и взять на себя более существенные обязательства. Согласно опросу, Gallup в 2021 г. 58% американских респондентов рассматривают изменение климата как серьезную угрозу в течение следующих 10 лет, однако темпы нынешних действий не соответствуют срочности.

Подчеркивание американских ценностей. Президент Байден унаследовал запятанный имидж США за рубежом. Согласно опросу Gallup, проведенному в 2020 году, одобрение лидерства США в странах было низким, например, в Германии - 6% и в Исландии - 5%. Как показывают эти статистические данные, США объединены с Россией и Китаем, у которых аналогичные процентные показатели.

Укрепление международных альянсов. Сеть альянсов США, возможно, один из самых успешных и устойчивых аспектов американской внешней политики за последние 70 лет, позволила США преследовать свои стратегические цели. Союзы предотвращают войны, контролируют соперников и союзников, позволяют балансировать и могут способствовать глобальному проецированию власти. Поскольку Китай продолжает расширять свои экономические, военные и технологические возможности, жизненно важно, чтобы США

пользовались поддержкой своих союзников для противодействия растущей угрозе со стороны Китая. Продвижение администрацией Трампа доктрины «Америка прежде всего» подорвало доверие к США и заставило союзников задуматься, могут ли они рассчитывать на США. При новой администрации США не следует недооценивать важность своего восприятия за рубежом и коллективных действий со своими союзниками для достижения своих целей в стратегической битве с Китаем.

Итак, спустя тридцать лет после окончания биполярной фазы международная система все еще находится в глубокой эволюции, и тезисы об упадке демократий вызывают все большую неуверенность. Конечно, уже невозможно говорить о конце национального государства, которое сегодня становится более чем когда-либо глубоко необходимым. В то же время в предстоящие годы ни одна власть, национальное государство или сообщество государств не сможет противостоять понятию риска (теперь столь разнообразному) без формы власти, обязательно основанной на обоих элементах – мягкая и жесткая сила.

«Мягкая сила» Китая

В последнее время приобретенный вес в политико-экономической сфере позволяет КНР закрепить за собой авторитетность на мировой платформе, что непосредственно приводит к формированию конкурентных настроений как на региональном, так и на международном уровнях, в том числе это способствует возникновению конфликтных отношений с ведущей державой – США. Противостояние выше указанных стран в основном связано с растущей экономической и, соответственно, геополитической мощью, а также амбициями Китая, что в свою очередь не устраивает Белый дом [Лексютина, 2011].

В XXI веке китайское правительство обнаружило важность политики мягкой силы на политическом уровне параллельно с ее растущей экономической и военной мощью. С назначением Ху Цзиньтао на пост президента в 2002 году концепция мягкой силы стала входить в повестку дня страны.

Причина, по которой концепция мягкой силы, определенная Джозефом Наем, приобрела популярность среди китайских политиков и мыслителей заключается в том, что, подчеркивая конъюнктуру, в которой концепция мягкой силы получила широкое распространение, после распада Советского Союза, в китайском общественном мнении развернулись интенсивные дебаты о причинах роста и сокращения великих держав в международном масштабе. Эти дискуссии показывают, что Советский Союз, который когда-то боролся за международную гегемонию против США, проиграл холодную войну, потому что он не принял во внимание концепцию мягкой силы при ведении этой борьбы. По этой причине китайские правящие элиты и ученые соглашались с тем, что на международной арене Китай не должен иметь аналогичную судьбу как растущего игрока и должен придавать значение мягкой силе, а также жесткой силе, чтобы поддерживать свое глобальное влияние [Кочетков, Грачиков, 2014].

Однако есть разные причины, лежащие в основе интереса Китая к мягкой силе. Самым важным из них является заявление американского журналиста Джошуа Курланчика. По словам Курланчика, причина, по которой правительство Пекина придает большое значение мягкой силе, заключается в том, чтобы изменить восприятие Китая, страны, которая является агрессивной и с трудом устанавливает отношения по региональным проблемам, возникающим в мировом общественном мнении [Eisenman, 2007]. Хотя многие эксперты поддерживают эту

интерпретацию Курланчика, они добавляют, что Китай разработал стратегию увеличения своих экономических ресурсов с помощью политики мягкой силы, чтобы укрепить свои позиции перед лицом проблем в своем регионе и ослабить влияние США.

Некоторые другие комментаторы утверждают, что Китай обратился к политике мягкой силы, чтобы преодолеть кризис легитимности в своей стране. Дело в том, что в политике мягкой силы Китая китайские правители больше озабочены внутренним и внешнеполитическим контекстом этой политики, чем ее целью. Эта политика является продуктом государственного мышления, которое придерживается долгосрочной стратегии.

Политика мягкой силы Китая была сформирована в рамках новой дорожной карты, разработанной внешнеполитическими экспертами в 2003 году. В этой дорожной карте было решено пересмотреть восприятие угрозы Китаю во внешнем мире и допустить подъем Китая. В этом контексте дискурс изменился [Callahan, 2011].

В 2007 году председатель Коммунистической партии Китая Ху Цзиньтао в своем выступлении на 17-м Конгрессе заявил, что стране следует больше инвестировать в вопрос «мягкой силы». После этого выступления из государственного бюджета были выделены миллиарды долларов на политику мягкой силы.

Что касается культурных инструментов, политика, которая была впервые установлена в рамках привлекательности исторического фона государства, была разработана китайской администрацией. В Национальном плане культурного развития 2006 года был предложен новый план расширения с целью распространения китайской культуры в мире и выделения ее культурных продуктов по сравнению со всеми продуктами. Например, цель стимулирования была поставлена для повышения узнаваемости китайских культурных продуктов в таких организациях, как международные фестивали: в 2004 году во Франции, в России в 2007 году и в Турции в 2012 году.

Если посмотреть на политику мягкой силы китайской администрации в контексте внешней политики, становится очевидным, что она следует двумерной стратегии. То есть, управляя международными силами, с одной стороны, с другой стороны, Китай пытается повысить свою эффективность в странах третьего мира, где он может легко доминировать.

Цель этой стратегии – создать ощущение мирного подъема Китая. В этом контексте новое видение внешней политики, которое Китай разработал в рамках дискурса о «построении гармоничного мира» в качестве своего видения внешней политики, является источником подъема, основанного на мягкой силе. Эта новая внешнеполитическая стратегия Китая основана на четырех основных принципах:

- мирное сосуществование;
- взаимная экономическая зависимость;
- расширение диалога для мирного разрешения споров;
- мирное развитие.

Этим дискурсом Китай усиливает идею о том, что мир и стабильность в его регионе и во всем мире должны быть сохранены. В этом контексте также есть инициативы по активному участию Китая в региональных и глобальных организациях.

Основные организации, членом которых является Китай:

- Азиатско-Тихоокеанская организация экономического сотрудничества;
- Ассоциация государств Юго-Восточной Азии;
- Форум сотрудничества стран Восточной Азии и Латинской Америки;

- Шанхайская организация сотрудничества (ШОС);
- Саммит стран Восточной Азии;
- Форум сотрудничества Китая и Африки и т.п.

Китайская «мягкая сила» связана с воздействием на сердца и умы иностранных народов, а также с восприятием имиджа Китая в глазах международных лидеров, которые являются одной из главных целей китайской «мягкой силы». В то же время внешняя политика Китая стала более амбициозной, переходя от политики реагирования – «скрывать способности и ждать своего часа» – к инициативной политике – «трудолюбивой и многообещающей».

Заключение

Таким образом, «мягкая сила» – способность получать желаемые результаты в отношениях с другими государствами за счет привлекательности собственной культуры, ценностей и внешней политики. Страна может добиться желаемых результатов в мировой политике, потому что другие страны (восхищаясь ее ценностями, подражая ее примеру, стремясь к ее уровню процветания и открытости) хотят «следовать» за ней. В этом отношении также важно определять повестку дня и вовлекать других в мировую политику, а не просто заставлять их меняться, угрожая военной силой или экономическими санкциями. Важным проявлением мягкой силы Китая выступает «тотальная дипломатия».

Отметим, что направления реализации «мягкой силы» были определены на XVII съезде КПК: тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный культуре, а не внешней политике Китая. Поэтому можно утверждать, что «мягкая сила» Китая в большей мере действует в «культуроцентричном измерении». Что касается американской политики мягкой силы, в американской культуре все еще есть источники устойчивости, которые пессимисты в прошлом недооценивали. Свобода прессы, независимые суды и право на мирный протест являются одними из величайших источников мягкой силы Америки. Даже когда ошибочная политика правительства снижает привлекательность Америки, ее способность к самоанализу и самоисправлению делает ее привлекательной для других на более глубоком уровне.

Библиография

1. Кочетков В.В., Грачиков Е.Н. Идентичность как источник мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 40-62.
2. Лексютина Я.В. США и Китай: линии соперничества и противоречий. СПб., 2011. 298 с.
3. Най Д.С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2013. 444 с.
4. Callahan W., Varabantseva E. China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, 2011. P. 78.
5. Eisenman J. (ed.) China and the Developing World: Beijing's Strategy for the 21st Century. Sharpe, 2007. 232 p.
6. Nye J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N. Y., 2004. P. 258-260.
7. Mavrodiya A. V. et al. Role of social media as a soft power tool in raising public awareness and engagement in addressing climate change //Climate. – 2019. – Т. 7. – №. 10. – С. 122.
8. Nye J. S. Soft power: the evolution of a concept //Journal of Political Power. – 2021. – Т. 14. – №. 1. – С. 196-208.
9. Zahran G., Ramos L. From hegemony to soft power: implications of a conceptual change //Soft power and US foreign policy. – Routledge, 2010. – С. 24-43.
10. Nye J. Soft power: the origins and political progress of a concept //Palgrave communications. – 2017. – Т. 3. – №. 1. – С. 1-3.

Soft power: American and Chinese approaches

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor
of the Department of Comparative Political Science of PFUR;
Professor of the Department of Culture of Peace and Democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Lucky5659@yandex.ru

Anastasiya N. Ermakova

Graduate Student,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6, Miuskaya square, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Nastyaermwa@yandex.ru

Abstract

About 50 years have passed since the development of the concept of soft power by D. Nye, but throughout this period, the tools of soft power continued to change and incorporate new approaches and strategies. The approaches to soft power formed by the United States and China were no exception. In essence, these approaches differ and largely echo the ideological attitudes of the two countries, preserving and popularizing national specifics in the international arena. At the same time, we can also talk about the direct confrontational aspect of the practices of using soft power tools on the part of the two countries, as they direct their actions against each other, flirting with the general public, creating demand for national developments and achievements. It should be noted that the directions for the implementation of soft power were determined at the 17th CPC Congress: the topic of soft power was included in the section on culture, and not on China's foreign policy. Therefore, it can be argued that China's soft power operates to a greater extent in the culture-centric dimension. As far as American soft power politics are concerned, there are still sources of resilience in American culture that pessimists in the past have underestimated. Even when misguided government policies reduce America's attractiveness, its capacity for introspection and self-correction makes it attractive to others on a deeper level.

For citation

Medushevskii N.A., Ermakova A.N. (2022) Myagkaya sila: amerikanskii i kitaiskii podkhody [Soft power: American and Chinese approaches]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 11 (4A), pp. 273-282. DOI: 10.34670/AR.2022.30.92.033

Keywords

Soft power, USA, China, confrontation, image, cultural potential, economic superiority.

References

1. Callahan W., Barabantseva E. (2011) *China Orders the World: Normative Soft Power and Foreign Policy*. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press.
2. Eisenman J. (ed.) (2007) *China and the Developing World: Beijing's Strategy for the 21st Century*. Sharpe.
3. Kochetkov V.V., Grachikov E.N. (2014) Identichnost' kak istochnik myagkoi sily Kitaya [Identity as a source of China's soft power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 3, pp. 40-62.
4. Leksyutina Ya.V. (2011) *SShA i Kitai: linii sopernichestva i protivorechii* [USA and China: lines of rivalry and contradictions]. St. Petersburg.
5. Nye J. (2004) *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N. Y.
6. Nye J.S. (2011) *The Future of Power*. PublicAffairs.
7. Mavrodieva, A. V., Rachman, O. K., Harahap, V. B., & Shaw, R. (2019). Role of social media as a soft power tool in raising public awareness and engagement in addressing climate change. *Climate*, 7(10), 122.
8. Nye, J. S. (2021). Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*, 14(1), 196-208.
9. Zahran, G., & Ramos, L. (2010). From hegemony to soft power: implications of a conceptual change. In *Soft power and US foreign policy* (pp. 24-43). Routledge.
10. Nye, J. (2017). Soft power: the origins and political progress of a concept. *Palgrave communications*, 3(1), 1-3.